

I956 101

Пермьки-Герои Социалистического труда

БУРОВОЙ МАСТЕР
МИХАИЛ КРОПАЧЕВ

956101

Пермяки — Герои Социалистического Труда

Вл. АБОРКИН

БУРОВОЙ МАСТЕР
МИХАИЛ КРОПАЧЕВ

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

956101

Владимир Иванович Аборкин

БУРОВОЙ МАСТЕР МИХАИЛ КРОПАЧЕВ

Очерк

са

Редактор Т. И. Вершинин

Художник С. В. Балакин

Художественный редактор М. В. Тарасова

Технический редактор Г. М. Езов

Корректор Э. К. Актищева

Подписано в печать 16/II 1963 г.

Формат 60×92¹/₃₂ 0,6 бум. л. 1,125 печ. л.

Уч.-изд. 1,25 л.

ЛБ02242

Тираж 1000 экз.

Цена 4 коп.

2-я книжная типография облполиграфиздата
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 97.

В селе Верхне-Чусовские Городки все только и говорили о том, что приехал геолог, профессор Преображенский, а вместе с ним инженер Поздняков. Они ищут в нижнем течении Чусовой, в окрестностях Городков калийные соли. Верхне-городковские крестьяне наблюдали, как около села приезжие вместе с небольшой группой рабочих выбирают место для закладки скважины. То они уходят к реке Чусовой, то снова возвращаются к огородам и крестьянским избам, о чем-то спорят, рассуждают, задают разные вопросы старожилам.

Несколько раз к приезжим подходил коренастый двадцатилетний парень. Он прислушивался к разговорам профессора и инженера и все не решался спросить, что же они намерены делать, не сможет ли он чем-то помочь им.

— Как тебя зовут, крепыш? — спросил не-нароком Преображенский.

— Михаилом Кропачевым, — ответил, смущившись, парень.

— Что робишь? — поинтересовался инженер Поздняков. — Землю, наверно, пашешь?

— Да, все мы крестьянством занимаемся, — немного освоившись, стал рассказывать Михаил. — Отец у нас помер еще в четырнадцатом году. А у матери на руках осталось восемь душ, мал мала меньше. Трудно живем.

— Мы будем набирать рабочих в буровую бригаду, — сказал Преображенский. — Давай-ка к нам, паренек. Освоишь наше дело. Разведчиком будешь, да и заработки у нас неплохие. И семью, смотришь, кормить станешь, матери помогать.

— А что вы тут ищете? — спросил, нако-нец, юноша.

— Пока ищем калийные соли, — ответил Поздняков. — Ну, а если что-нибудь другое найдем — тоже неплохо. Советской власти все нужно: и калийные соли, и уголь, и железо. А земля уральская богата полезными ископае-мыми.

... В тот же вечер Михаил рассказал матери о своих новых знакомых, о том, что они звали его на работу в разведочно-геологическую

партию. Только и сказала мать, выслушав сына:

— Иди, Миша, к ним. Люди они грамотные, добрые. Не обидят. Вот если бы Яков был жив... Отец доучил бы тебя в школе. А у меня нет сил, сам видишь, как маюсь.

И Михаил пошел в буровую бригаду.

Вскоре профессор Преображенский уехал, а инженер Поздняков остался за главного. Старые бывалые рабочие, приехавшие с Поздняковым, стали обучать бурению деревенскую молодежь.

На краю села смонтировали буровую машину — двухскоростной станок с деревянными стойками, подняли копер и заложили скважину. Буровая вышка была построена из дерева. Металл надо было экономить, его в ту пору в стране не хватало. Пришлось нанять у крестьян несколько лошадей, для того чтобы из скважины поднимать трубы, подвозить воду на буровую. Тракторов и в помине не было. А где лошадь не брала, то сами рабочие впрягались и помогали ей: «Раз-два взяли... еще раз...» Бурили долотами «РБ», которые из-за непрочности рабочие прозвали «рыбий хвост». Если попадались крепкие породы, вроде ангидрита или доломита, то долото буквально через тридцать-сорок сантиметров бурения снашивалось и выходило из строя. При-

ходилось поднимать колонну из скважины, менять долото. А через тридцать-сорок сантиметров опять могла произойти поломка — и все начинай сначала.

Бурение шло тяжело, медленно. Но Поздняков и не скрывал трудностей:

— Пока до калийных солей дойдем, много воды в Чусовой утечет. Так что, ребята, крепитесь.

Несколько раз в Верхне-Чусовские Городки приезжал профессор Преображенский. Он кропотливо просматривал пробы, подолгу беседовал с Поздняковым, с буровыми рабочими. Уезжая из Городков, профессор просил Позднякова писать ему почаще о делах на буровой, держать его в курсе всех событий.

И вот однажды случилось непредвиденное. Поздняков, который не отходил ни на шаг от буровой, сказал рабочим:

— Ребята, вы чувствуете какой-то неприятный запах? Это ведь сероводород! Есть все признаки, что близка нефть!

А через несколько дней пошла... нефтяная эмульсия, вода с нефтью! Люди радовались, обнимали друг друга, поздравляли с победой. Теперь уже не признаки нефти, а сама нефть, черная кровь земли, бурлила из скважины. Быстро было произведено бетонирование скважины, спущены колонны.

Это было в 1928 году. Но на всю жизнь запомнил Михаил Кропачев слова профессора П. И. Преображенского:

— Дорогие друзья! Мы присутствуем при рождении нового нефтяного района нашей страны — «Второго Баку». Искали мы калийные соли, а нашли добротную уральскую нефть. А знаете, что это такое? Это и бензин, и керосин, и смазочные материалы. Спасибо вам, друзья! Будем закладывать на нефть сразу несколько скважин.

Недолго пришлось поработать Михаилу Кропачеву с Преображенским и Поздняковым. Через несколько месяцев его призвали на действительную службу. Но и служа в армии, он интересовался, как идут дела в родном селе, на нефтяном промысле, переписывался со своими друзьями. А они сообщали красноармейцу Кропачеву отрадные вести. Афанасий Рябов, вместе с которым Кропачев начинал работу в разведочной партии, писал: «Приезжай, Миша, скорее. Возвращайся домой. Дела-то какие у нас развернулись...»

И Михаил приехал. Вернулся из армии в 1931 году. Пришел домой, расцеловал мать, раздал привезенные подарки братьям и сестрам и, как в прежние годы, сказал:

— Мама, ты на меня не сердись. Я хоть на полчасика сбегаю к ребятам, на буровую.

Мать посмотрела на бойца, на его красноармейскую выпрявку и тихо произнесла:

— Иди, сынок, вижу, соскучился ты по своим нефтяникам. Все спрашивали они про тебя: когда Михаил приедет?.. Да долго-то не задерживайся.

— Есть, товарищ командир! — отчеканил Михаил. — Ваше приказание будет выполнено.

На буровой встретили его с радостью.

Через несколько дней Михаил Кропачев вышел на работу. На ту самую беспрекословную и тяжелую работу буровика, которая потом не прекращалась более тридцати лет.

* * *

В сентябре 1960 года в столице Азербайджана — Баку состоялся Всесоюзный отраслевой семинар по обмену опытом работы мастеров скоростного бурения и вышкостроения. Первая половина семинара проходила в Баку, а вторая в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства. На это совещание прибыло свыше трехсот человек. Большую делегацию из пятнадцати человек послал на совещание Пермский совнархоз.

Михаил Яковлевич Кропачев не смог поехать в гости к азербайджанским нефтяникам. Но пермяки не раз вспоминали в Баку Кропачева. Когда участники совещания посетили

знаменитый морской промысел Нефтяные Камни, бригадир вышкомонтажного цеха Добрянской конторы турбинного бурения А. Чепкасов сказал:

— Морской промысел есть и у нас в Полазне. Бурил скважины на нашем морском промысле Михаил Яковлевич Кропачев.

А когда речь зашла о кустовом наклонно направленном бурении, то и здесь пермяки вспомнили о заслугах Кропачева... Нефть лежит не там, где хотелось бы человеку. Горы, озера, дома. А под ними нефть. Чтобы добраться до неё, буровики прокладывают наклонные скважины под здания, под озера, болота, реки.

— Нам, пермякам, — рассказал на бакинском семинаре начальник вышкомонтажного цеха Полазненской конторы турбинного бурения А. Таранов, — было приятно услышать здесь, что пермский опыт проходки наклонных скважин используется на морском месторождении Нефтяные Камни в Азербайджане, в пустыне Кара-Кумы в Туркмении, на Сахалине. Впервые такой метод бурения скважин был применен в нашей области при освоении Краснокамского месторождения нефти еще в годы Великой Отечественной войны. Инициатором его был Михаил Яковлевич Кропачев. Впоследствии этот метод был повторен в

Северокамске и в Полазне. Сейчас кустовым методом разбуривается Яринское и другие месторождения нефти...

Много интересного можно рассказать о жизни и труде Михаила Яковлевича Кропачева.

До 1936 года он работал в родных местах, в Верхне-Чусовских Городках. Нефтяная промышленность Западного Урала уже не ограничивалась рамками низовий реки Чусовой. В Городки пришла радостная весть о том, что нефть найдена и в Краснокамске. Обнаружил ее буровой мастер Иван Михайлович Пичугин в июне 1934 года.

— Никогда не забуду, — рассказывает М. Я. Кропачев, — тот день, когда к нам на буровую в Верхне-Чусовские Городки пришел номер газеты «Звезда». В нем на первой странице была напечатана небольшая корреспонденция из Краснокамска.

«На промышленной площадке бумкомбината, — говорилось в заметке, — при бурении скважины на воду станком «Кистон», на глубине 156 метров при подъеме желонок стала появляться нефтяная эмульсия... При дальнейшем бурении нефтепроявления стали увеличиваться и на глубине 162—163 метров наблюдалось газирование... Добытая из скважины нефтяная эмульсия представляет собой

воду, насыщенную (вероятно, в процессе газирования) нефтью желто-бурого цвета с зеленоватым отливом, по признакам содержащей много ароматичных и летучих веществ. По запаху можно судить о значительном содержании серы, что приближает ее к нефти Верхних Чусовских Городков и Стерлитамака.

Нефтепроявления также говорят о возможном широком распространении нефтяных пород в этом районе, имеющих промышленное значение».

Нефть в Краснокамске! Это известие верхне-городковцы встретили с восторгом. Все говорили о том, что краснокамцам надо помочь — дело общее.

В 1936 году из треста Востокнефть пришел приказ направить Кропачева в Северокамскую нефтеразведку.

К этому времени Михаил Яковлевич уже обзавелся семьей. Пришел вечером домой и сразу с вопросом к жене:

— Ну, как, Аннушка, поедем в Краснокамск? В Северокамскую разведку меня переводят.

— Поедем. Обязательно поедем, — ответила Анна Степановна.

— Хорошая ты у меня, Аннушка. Душой хорошая, — и Михаил Яковлевич обнял своего друга за худенькие плечи.

Не прошло и двух недель, как помощник бурильщика Михаил Кропачев уже работал в Северокамской разведке. Дела на новом месте на первых порах шли туговато, кое у кого появилось сомнение: есть ли в Северокамске большая нефть? С трудом пробурили первую скважину — безрезультатно. Огорчение принесла и другая. Наступил 1937 год. Бригада заложила третью скважину. Борьба, упорная борьба за нефть продолжалась.

— Если и третья скважина будет неудачной, — говорил буровой мастер, — заложим четвертую, пятую...

И какова была радость буровиков, когда третья скважина дала фонтанную нефть. За Верхне-Чусовскими Городками появился Краснокамск. За Краснокамском свое веское слово сказал нефтяной Северокамск.

К общей трудовой радости у Михаила Яковлевича и Анны Степановны Кропачевых добавилась еще одна, семейная радость: родился первенец. Сына назвали Станиславом.

Попеременно Михаил Яковлевич работал то в Северокамске, то в Краснокамске. Он стал бурильщиком, дважды был на курсах буровых мастеров, вырос до бригадира...

Страшное известие о нападении гитлеровской Германии на нашу Родину застало Михаила Яковлевича на буровой в селе Стряпу-

нята. Бригада Кропачева почти вся состояла из молодежи. Собрал Михаил Яковлевич в кружок всех рабочих и сказал:

— Ну, что ж, ребята, придется вам другого мастера подыскивать. Я красноармеец — и мое место на фронте, на передовой.

На буровой Михаил Яковлевич за старшего оставил бурильщика, а сам отправился в Краснокамск, прямо в военкомат. Зашел к комиссару и доложил:

— Красноармеец Кропачев готов отправиться на фронт.

Комиссар оглядел с головы до ног красноармейца Кропачева и сказал:

— А вы у нас, Михаил Яковлевич, на особом учете. Знаем, что вы служили в армии. Отличным были бойцом. Но, понимаете, дорогой товарищ Кропачев, нефть, бензин нужны фронту! У вас самый важный участок трудового фронта. Без бензина не пойдет ни танк, ни автомашина, не полетит самолет. Чем больше вы дадите нефти, тем быстрее мы разгромим врага. Возвращайтесь на свою буровую. Продолжайте работать. Считайте, что вы на самом главном направлении.

И буровой мастер вернулся в бригаду. Он рассказал ребятам о беседе в военкомате, о том, как нужна стране нефть.

Началась трудная военная жизнь. Не хватало в бригаде людей. Техники на буровой маловато. Бурение хотя и шагнуло к тому времени вперед, но по-прежнему было трудоемким и несовершенным. Скважины бурились ротором. Длиннейшую колонну труб вращал металлический ротор, похожий на своеобразный жернов. Были часты поломки. Над лесом стоял сплошной пронзительный визг, от которого у рабочих к концу смены гудела голова.

Того было с питанием. А в семье один за другим появлялись дети — дочь и еще два сына. Четверо малых ребятишек на руках Анны Степановны. С фронта приходили тревожные известия. К ним добавилось и семейное горе. Погибли братья Михаила Яковлевича — Федор и Владимир, погибли четыре брата у Анны Степановны.

Именно в эти грозные годы Михаил Яковлевич стал кандидатом в члены партии, а затем членом Коммунистической партии. Пришла зрелость. На многих делах он испробовал свою силу, свой характер, научился работать с людьми, стал настоящим вожаком коллектива, освоил все премудрости и тонкости бурения.

— Вот тогда-то, — задумчиво вспоминает Михаил Яковлевич, — мы и освоили наклонно направленное бурение. Скважина дала фон-

танную нефть, до двухсот тонн в сутки. Это была большая победа. А через некоторое время меня наградили орденом Ленина...

Ценой многих жизней и величайшего напряжения сил советские люди одолели озверелого фашистского врага. Сразу стало легче жить и дышать. После войны Михаил Яковлевич Кропачев еще долго работал на Краснокамском нефтяном месторождении. Был старшим инженером конторы турбинного бурения, а затем и начальником Северокамского участка.

Многое сделал этот человек. Ведь только на Северокамском месторождении он лично пробурил и участвовал в бурении почти 150 нефтяных скважин! И это в основном в военные и первые послевоенные годы.

* * *

Кто из пермяков не знает село Полазну, раскинувшееся дугой по берегу огромного залива Камского моря? Подъезжая к пристани, еще за несколько километров видишь приветливо мигающие в непроглядной ночи светлячки больших маяков. Что это? Действительно маяки? «Нет, — объясняют бывалые пассажиры, — это вышки морских нефтяных скважин».

Но вот через некоторое время теплоход подходит ближе к вышкам. Их много. Они

располагаются отдельными островками, на солидном отдалении друг от друга.

Около десяти лет назад, до рождения Камского моря, эти вышки стояли на берегу Камы. Не ушли они под воду, не прекратили своего существования и в то время, когда появилось море. Нефтяники нашли способ, как спасти жизнь скважин. Еще до прихода «большой воды» они создали искусственные острова, отгородили скважины от моря. И теперь им не грозит никакая опасность.

Морские скважины живут той же жизнью, что и береговые. Жидкое топливо течет из них по нефтепроводам, проложенным по дну Камского моря, в коллекторы, а затем в резервуары, расположенные на берегу. Но управляют этими скважинами не так, как береговыми. Еще недавно в любую непогоду операторы должны были добираться на морские скважины, чтобы скребками прочистить их. Ранней осенью и весной операторы постоянно жили на «нефтяных островах».

Теперь морскими нефтяными кустами (так называют группу скважин, размещенных на одном острове) управляют с берега. Ими командует с помощью автоматического дистанционного радиоуправления дежурный. Диспетчерский пульт «следит» за поведением скважин и «рассказывает» человеку обо всем.

Диспетчер по данным автоматики принимает различные решения: прочистить скважину, остановить ее на ремонт и т. д.

— Вот какая совершенная техника пришла на нефтепромысел Полазны! — с восторгом говорит Михаил Яковлевич. — Сюда я переехал в 1951 году. Нелегко было освоить первые скважины Полазненского месторождения. Здесь мы внедрили наклонно направленное бурение.

Но главной новинкой Михаил Яковлевич считает турбобур — мощный забойный двигатель, которому доступны огромные земные глубины. Турбобур — детище советского нефтяного машиностроения. Он известен далеко за пределами нашей Родины. Не случайно в 1956 году две партии мощных турбобуров, изготовленных на Кунгурском машиностроительном заводе, были отправлены в США. Американцы купили у нас лицензию на производство турбобуров.

Теперь вместо жалких двухскоростных станков с деревянными стойками буровики используют пятидизельный четырехскоростной станок марки Уральского завода тяжелого машиностроения. В хозяйстве буровой не встретишь лошадку! На смену пришел трактор, две электростанции и два грязевых насоса. А долота? Если в Верхне-Чусовских Город-

ках Кропачеву и его товарищам удавалось проходить старыми долотами «РБ» всего по тридцать-сорок сантиметров, то Полазна показала другие темпы. Одним шарошечным долотом Михаил Яковлевич пробуривал по долотам и ангидритам — сорок метров! Стойкость отечественных долот выросла в сто раз! Это настоящая революция в бурении. И коммунист Михаил Кропачев был солдатом этой революции.

* * *

В начале зимы 1957 года я поехал на новое в ту пору месторождение нефти в Ярино. Но предварительно побывал в Полазне, в конторе турбинного бурения. Главный инженер этой конторы Леонид Алексеевич Лужецкий рассказал мне:

— Ярино уже сейчас дает около девятисот тонн нефти в сутки. Но это только для начала. Возможности месторождения колоссальны! Добыча «черного золота» здесь будет увеличена в несколько раз. В ближайшие годы нефтяникам предстоит пробурить сотни скважин.

Потом разговор перешел на лучших людей, которым предстоит проделать эту огромную работу. Одним из первых был назван буровой мастер Михаил Яковлевич Кропачев.

— Мы еще под стол пешком ходили, а он уже был рабочим на буровой. И вот от простого рабочего поднялся до этого кресла, где я сейчас сижу.

— Мне рассказывали, что Кропачев был главным инженером конторы бурения?

— Был! — проговорил Леонид Алексеевич. — Да еще каким! Поискать такого инженера!

— А теперь он снова буровым мастером?

— А вы думаете, это так просто работать буровым мастером? — усмехнулся Лужецкий. — Михаил Яковлевич рассудил так: растет молодежь. А откуда она растет? Снизу. С буровой. Вот там мне и место.

В Ярино мы отправились утром на попутной машине с председателем комитета профсоюза Андреем Ивановичем Ширкалиным. Он тоже рассказывал мне о Кропачеве.

Со старинного Соликамского тракта у деревни Вож машина свернула вправо на проселочную дорогу. Это владения Добрянского леспромхоза. Стойкие мохнатые ели и пихты плотно обступили дорогу. Лес — густой уральский лес. Посреди этой девственной тайги гордо высится буровые вышки, создавая тот особый колорит, который присущ уральскому индустриальному пейзажу.

Машина делает еще один крутой поворот вправо. С трудом пробиваясь по занесенному снегом проселку, она то и дело останавливается, отходит назад и с разгона взбирается на бугры. В двух километрах от поворота открылась небольшая поляна. В самом центре ее, возвышаясь над лесом, стоит буровая вышка высотой с семиэтажный дом.

— Вот она, шестьдесят вторая, — говорит Ширкалин.

Машина остановилась. Около нее сразу появились рабочие. Среди них был и приземистый мужчина в черном овчинном полушубке, поверх которого был надет брезентовый плащ. Идя навстречу Ширкалину, он приговаривал:

— Здорово! Здорово, старина! Забыл нас, забыл...

Это был Михаил Яковлевич Кропачев. Мы направились с ним на буровую. Возле группы молодых рабочих, грузивших трубы на сани, он остановился.

— Э, друзья! — окликнул он грузчиков. — Так не пойдет. Смотрите — резьбу свернете, а потом кому эти трубы нужны.

Грузчики удлиняют трос так, чтобы трубы не ударялись о гусеницы, и Кропачев проходит на буровую.

На буровой работала смена Павла Семе-

новича Филонова. Он и сам когда-то был буровым мастером. В 1954 году обучался на курсах повышения квалификации бурильщиков. Вернувшись с курсов, Павел узнал, что Михаил Яковлевич создает бригаду для работы в Ярине, и попросился к нему.

— Тебе и самому пора мастером быть. Знаний и опыта у тебя достаточно, — отказался поначалу Кропачев. — Какой тебе смысл идти в бурильщики?

— Нет, Михаил Яковлевич, — настаивал на своем Павел Филонов. — В подмастерьях у вас год-другой похожу, вот тогда и буду мастер.

И Павел не покаялся, что пошел учиться к Кропачеву. Ведь каждое замечание старого мастера — это урок. Вот и сейчас бригадир, присмотревшись, как идет бурение, попросил Филонова приостановить работу.

— Надо разобрать дефектные бурильные трубы, заменить их. А то так можно и до аварии доработаться. Давай команду к подъему колонны.

Вахта Павла Филонова начинает подъем бурильных труб.

... Сначала послышался неровный шум мотора, а через мгновение автобус вынырнул из лесной чащи.

Идет пересмена. Филонов передает оборудование бурильщику Григорию Истомину, рос-

лому, краснощекому от мороза и молодости мужчине. Тут же присутствует и мастер бригады Кропачев. Он следит за ходом пересмены, вникая во все мелочи. Смена Григория Истомина приступает к работе. Мастер с удовлетворением отмечает, как четко берется за дело молодежь.

— По местам, товарищи! — командует бурильщик, становясь у центрального пульта управления.

Верховой Михаил Кетов взбирается на вышку, на самую «верхотуру», где для него устроена специальная площадка — «люлька». Прихватывая веревкой огромную двадцатипятиметровую бурильную свечу — попарно свинченные трубы, — он осторожно переводит свечу к элеватору и затем, закрыв его, машет рукой бурильщику Истомину. Колонна стремительно погружается в скважину. Через мгновение из скважины торчит только маленький полупораметровый кусочек колонны, опирающийся на машинные ключи.

Михаил Кетов готовит к подаче очередную свечу, из которой нужно удалить отработанную бурильную трубу. Павлов и Захаров быстро обхватывают колонну на стыке двух труб машинными ключами. С помощью лебедки испорченная труба удаляется из свечи. Ее заменяют новой.

Начинается бурение. Теперь от глаз человека все скрыто в скважине. Кропачев подходит к специальному прибору, который нефтяники окрестили в шутку «колдуном». Теперь только он один «знает», как работает турбобур, долота, как они проходят через породы в глубь земли. И «колдун» никогда не подводит: он внимательно следит за работой буровой и обо всех недостатках сразу сообщает бурильщику.

— Все в порядке, Григорий Филиппович,— говорит Кропачев Истомину.— Продолжайте бурение.

Михаил Яковлевич направляется в дизельное отделение, называемое буровиками попросту «агрегатным сараем». Здесь установлено несколько могучих дизелей знаменитой марки «УЗТМ». В «сарае» — большое хозяйство. Два мощных дизеля дают для буровой электроэнергию. Три дизеля приводят в движение лебедку и грязевой насос, еще два врачают другой грязевой насос. За всем этим сложным хозяйством наблюдает буровой мастер Кропачев. Один из грязевых насосов привлекает его внимание. Михаил Яковлевич подзывает слесаря:

— Сними цилиндровую крышку, проверь.

Из агрегатного отделения мастер по лесенке снова поднялся к бурильщику.

— Григорий Филиппович, — обратился он к Истомину, — ты убери магнитную ловушку.

Бурильщик знает, что магнитная ловушка портится, если ее долго держать около железных предметов. Но в спешке забыл убрать ее.

— Турбобур идет хорошо, Михаил Яковлевич! — громко, чтобы перекрыть своим голосом гул дизелей, сообщает Истомин.

— Добре! Добре!

Осмотрев все свое сложное хозяйство, мастер идет в общежитие, разместившееся в двух походных домиках здесь же у буровой. Надо отдохнуть.

В большой комнате тишина. Улегшись в постель, Михаил Яковлевич вспомнил о доме в Полазне, об Анне Степановне. Как-то она там воюет с детьми? Вовка с Юркой озорники. Трудновато ей с ними, а самому-то редко приходится вырываться домой. Как служит в армии старший сын Станислав? Что-то давно не присыпал писем? А как дочурка Тамара? Ведь ей весной надо сдавать экзамены на аттестат зрелости. Трудно, поди? С математикой особенно...

— Не спится? — спрашивает рабочий Петр Сапов, сидящий с газетами у столика. — Могу в другую комнату перейти. Общежитие у нас большое.

— Сиди, Петр Иванович, — отзыается Кропачев. — Спать я могу и при свете, и при шуме. Привык ко всему... Вспомнилось тут всякое. Вот и заснуть не могу.

— А вспомнить, наверное, есть что?

— У каждого человека есть что вспомнить, — не спеша начинает рассказывать мастер. — Почти тридцать лет я в нефтяной-то промышленности работаю. Как и ты, начал тоже с бурового рабочего. Все мы, парни из Городков, одинаково начинали. Давно это было, а и сейчас еще многие трудятся, нефть добывают... Анатолий Григорьевич Черепанов — начальник Кухтымского участка, Александр Ильич Кашин — слесарь на цементном агрегате в Ярине, Георгий Александрович Долматов — диспетчером работает на буровом складе, Александр Петрович Шадрин — слесарем. А мой дружок закадычный Афанасий Рябов тоже стал буровым мастером.

— А за что вас наградили, Михаил Яковлевич? — поинтересовался Петр Сапов.

— В Указах Президиума написано так: «За заслуги в развитии нефтяной промышленности». Вручили мне ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, медаль «За трудовое отличие»... А вроде и заслуг нет и отличия от других тоже не вижу. Работал всю жизнь, с молодости, Петр Иванович.

— Ну, зря не наградят...

— Не знаю, сынок. Не мне судить.

Кропачев вдруг встал с постели и направился к радиоприемнику:

— Сейчас должны передавать результаты третьей партии матча Ботвинник — Смыслов. Я за своего тезку болею, за Михаила Ботвинника.

— Цыплят по осени считают, Михаил Яковлевич, — возразил Петр Сапов. — А может быть, мы продолжим наш матч? Вчера я вам проиграл две партии, сегодня хочу отыграться.

— Нет, Петр Иванович, сегодня не до шахмат, — отказался Кропачев. — Завтра сыграем. Я хочу хоть немного вздренуть. А то скоро подъедет новая вахта.

* * *

У Михаила Яковlevича Кропачева много учеников. Мастер Полазненской конторы турбинного бурения Алексей Михайлович Шихов рассказывает:

— Михаил Яковлевич Кропачев — мой учитель. Батей мы его зовем. Да только ли мой учитель? Взять Павла Семеновича Филонова — он тоже школу Кропачева прошел. И Виктор Моисеев. Десятки буровых мастеров, бурильщиков, рабочих, особенно из молодежи, учились у Кропачева. Это настоящий

воспитатель, коммунист! Я помню предвыборное собрание в Полазненском клубе нефтяников. Когда Михаила Яковлевича назвали кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР, то все, кто был в клубе, в один голос сказали: «Правильно, Кропачева!» И Михаил Яковлевич стал депутатом. Все мы от души радовались, когда Кропачеву присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Алексей Михайлович рассказал о том, как проходил областной семинар нефтяников по обмену опытом. Все участники семинара изъявили желание съездить в Ярино на буровую № 34, где тогда работала бригада Кропачева.

Здесь и состоялась встреча двух старинных друзей, двух мастеров бурения — Михаила Яковлевича Кропачева и Афанасия Никифоровича Рябова. Они вспоминали о совместной работе в Верхне-Чусовских Городках, о молодости, о прожитых годах.

— Ты всегда, Миша, — сказал Рябов своему другу, — был первым, начиная с наших Городков. Нравится мне и твоя буровая, и твоя бригада, и все новое, что вы сумели внедрить на буровой... Слышал я, Миша, что ты ездил недавно в Москву, на Выставку достижений народного хозяйства.

— Ездил, — ответил Кропачев, — вот этот пневмоключ ПБК-1 изучал.

И Кропачев рассказал Рябову о том, как в феврале 1958 года Полазненская контора турбинного бурения впервые получила два пневматических механизированных ключа. Начали их осваивать, старались, но дело шло туго. И тут случилась поездка в Москву. На ВДНХ Михаил Яковлевич беседовал со специалистами, ездил в выставочный комитет, добывал литературу и, вооружившись знаниями, вернулся в Полазну. Только после этого ключ был внедрен. Он намного облегчил, а главное — в полтора раза ускорил трудоемкие работы по свинчиванию и развинчиванию бурильных труб при спуско-подъемных операциях.

— И нам всем, Миша, ты крепко помог, — пожимая руку Михаилу Яковлевичу, говорил Рябов. — Спасибо тебе! Будем и мы внедрять новый пневматический ключ...

* * *

В том же 1958 году Кропачев получил новое назначение. Пригласил его к себе начальник Полазненской конторы турбинного бурения Попов и сказал:

— Ну, что, Михаил Яковлевич, Полазна нам дает нефть. Яринское месторождение еще больше нас обрадовало. А теперь геологи просят, и настойчиво просят, чтобы мы перебира-

лись в Каменный Лог. Не согласитесь ли вы перекочевать туда со своей бригадой?

— Я солдат,— немногословно ответил Кропачев. — Согласен, Геннадий Степанович.

И вот в Каменном Логу появилась первая буровая. Несколько месяцев длилась напряженная работа. За ее ходом следили не только в Полазненской kontоре турбинного бурения, но и в Перми. Даст ли Каменный Лог «черное золото»? Подтверждатся ли смелые выводы ученых и инженеров о наличии здесь богатых запасов нефти?

— Я убежден,— звонил в управление нефтяной промышленности совнархоза Геннадий Степанович Попов,— что бригада Кропачева найдет нефть в Логу. Он у нас счастливый.

Через три месяца всю область облетела отрадная весть: в Каменном Логу найдена нефть! Скважина № 29 при испытании дала шестьсот тонн фонтанирующей нефти!

— Сам-то я волновался,— вспоминает Кропачев,— пожалуй, не меньше, чем в прошлые годы, когда работал в Чусовских Городках, в Краснокамске и в других местах. Нефть в Каменном Логу придала новые силы уральским нефтяникам. Она окончательно убедила всех в том, что Прикамье — богатый нефтяной край.

Не один десяток скважин пробурила бригада мастера Кропачева в Каменном Логу.

Каждый день у Михаила Яковлевича был заполнен до отказа. Меньше всего этот человек думал о себе. Партия доверила ему, коммунисту, руководить коллективом, воспитывать людей. И он все свои силы отдавал этому благородному делу.

Когда по всей стране прокатилась волна соревнования за звание коллективов коммунистического труда, одной из первых в Полазненской конторе турбинного бурения вышла в разведку будущего бригада мастера Кропачева. Нелегко было принять коммунистические заповеди. Дело осложнялось условиями работы буровиков. Им часто приходится трудиться в тайге, в глухи. Как в этих условиях учиться? Где учиться?

Еще совсем недавно рабочие Г. Силевич, А. Кирьянов, П. Гулин и другие говорили о том, что им достаточно и семилетнего образования. И сколько потребовалось такта, душевности от мастера, чтобы переубедить их.

— Учиться всем надо, обязательно всем,— доказывал Кропачев.— Есть семилетка — получай десятилетнее образование. В наше время, когда создается такая техника, и среднего образования становится маловато.

Большинство пошло учиться в школу рабочей молодежи. Владимир Тярин и Михаил Колупаев стали студентами Полазненского ве-

черного техникума, а Борис Карнаухов и Алексей Коротков поступили на заочные отделения высших учебных заведений.

* * *

Недавно я снова встретился с Михаилом Яковлевичем Кропачевым. Он заметно постарел, в висках добавилось седины. Но на его открытом широком лице та же приятная улыбка.

— Ночевать будете у меня, — сказал Михаил Яковлевич. — Вечером поиграем в шахматы, в домино, посмотрим телевизор. Потолкуем о жизни.

Я уже знал о том, что нефтяники Полазны проводили Михаила Яковlevича на пенсию, на заслуженный отдых. Вручили ему почетные грамоты, приветственные адреса, богатые подарки и ко всему — бесплатную путевку на курорт Усть-Качка. В клубе нефтяников по этому поводу состоялся торжественный вечер.

— Поработал бы еще лет пяток, — признался Кропачев, — но сердце стало сдавать. В 1954 году перенес тяжелую болезнь — инфаркт... И врачи не разрешают больше работать.

Смотришь на Кропачева, на глубокие морщины, избороздившие его простое русское

лицо, и возникает мысль: «Михаил Яковлевич, а как же вы смогли проработать еще столько лет после такой тяжелой болезни, одно название которой пугает других людей?.. Да! Это можете только вы — Герой Труда, Человек, Коммунист!»

— Спасибо врачам и моим товарищам по работе, буровикам, — как бы угадав мою мысль, произносит Кропачев. — Не забывали меня в беде. Спасибо моей Анне Степановне. Это она спасла мне жизнь своей заботой, лаской, любовью. И все дети у меня очень заботливые, хорошие. Старший — Станислав, теперь учится на третьем курсе Пермского политехнического института, на геологическом факультете. Тамара окончила десятилетку и работает в автотранспортной конторе в Полазне. Володя сдает экзамены в вечерний нефтяной техникум, тоже среднюю школу закончил. А самый младший — Юрий учится в десятом классе. Все это и придавало мне сил.

В уютном домике Кропачевых, в каких живут многие нефтяники Полазны, немало дорогих семейных реликвий. Но одну из них ценят больше всего: это большая фотография, сделанная на XXII съезде КПСС, в Кремлевском Дворце съездов. Среди других делегатов съезда на фотографии в первом ряду Михаил Яковлевич Кропачев. Он сидит рядом с руко-

водителями партии и правительства, недалеко от Никиты Сергеевича Хрущева.

— Когда я уезжал на XXII съезд нашей партии, — вспоминает Кропачев, — секретарь Добрянского райкома КПСС товарищ Третьяков сказал: «Счастливый ты, Михаил Яковлевич, счастливый...» И, действительно, я очень счастлив.

До мельчайших деталей запомнились Михаилу Яковлевичу исторические дни работы съезда.

— Никогда не забуду, — взволнованно говорит он, — того момента, когда Никита Сергеевич, закрывая съезд, сказал: «Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи! За новые победы коммунизма!»

Эти пламенные слова Н. С. Хрущева потонули в буре оваций громадного зала Кремлевского Дворца. Делегаты исторического съезда от имени всех коммунистов страны, от имени всех советских людей приветствовали великий план построения коммунизма, утверждающего на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

— Я думал в тот момент, — продолжает свой рассказ Михаил Яковлевич, — о родном Урале, о своих помощниках и товарищах по труду — бурильщиках Алексее Асланове, Григории Истомине, Ларионе Ковальчуке, Борисе

Кормщикова, о старшем дизелисте Михаиле Колупаеве, о всех рабочих нашей буровой бригады. Я был так взволнован, что тут же из Кремлевского Дворца съездов позвонил в Полазну. Узнал, как там идут дела.

Вернувшись из Москвы, Михаил Яковлевич много раз выступал перед трудящимися с беседами о великом съезде коммунистов Советской страны, о его исторических решениях и новой Программе партии.

После съезда еще год проработал буровой мастер Кропачев со своей бригадой, а потом передал трудовую эстафету молодежи, которую сам воспитывал годами. Его место занял потомственный нефтяник, молодой инженер Анатолий Пяткин.

Когда я уезжал из Полазны, Михаил Яковлевич сказал:

— Не считайте меня демобилизованным. Я по-прежнему молод душой и еще помогу людям.

И он помогает людям, этот скромный труженик земли уральской. Его главная забота теперь — депутатские обязанности.

— Да посидел бы ты хоть дома, — нет-нет да и скажет Анна Степановна.

— Не могу, Аннушка, — отговаривается он. — Не обижайся. Вот прислали мне письмо о том, что в деревнях Королево и Городище

плохо с электрическим светом. Поеду разберусь...

«Поеду, пойду, разберусь...» Это говорит депутат Верховного Совета, избранник народа, который не сторонится никаких дел. Надо помочь человеку поехать в больницу в Ленинград — Кропачев добьется своего; возникло недоразумение с пенсиею у одинокой старушки — он вникает во все детали дела и находит истину. Некоторые считают, что не дело депутата заниматься семейными делами, а коммунист Кропачев иного мнения: он не раз помогал людям наладить хорошую семейную жизнь. За многое благодарят избиратели своего депутата.

Не теряет связей Михаил Яковлевич и с бригадой: частенько звонит на буровую, справляется о делаах, наведывается туда. Он помнит о том, что производство нефти в нашей стране должно возрасти за двадцать лет до 690—710 миллионов тонн. Нефть — «черное золото» земли. Она нужна нам не меньше, чем руда, чем удобрения, чем другие ценности, скрытые в кладовых природы.

Вот старый мастер, усевшись на диване, просматривает свежие газеты. Его внимание привлекает короткая заметка «Рекордная скорость». Он пробегает глазами по заметке. И дух захватывает от радости:

«Выдающегося трудового успеха добилась бригада мастера Валерия Спешилова из Полазненской конторы бурения... Бригада прошла новую буровую глубиной 1772 метра за 43 дня вместо 60 по плану. Скорость бурения составила 1230 метров на станок в месяц при плане 802 метра».

— Да это ведь то, что нам нужно! — восклицает Михаил Яковлевич. — Аннушка, — обращается он к жене, — схожу в контору бурения. Хочу с директором поговорить. Надо немедленно изучить опыт бригады Валерия Спешилова. Пойду посоветоваться.

Анна Степановна стоит рядом с ним. Худенькая, небольшого роста, сметливая, она умеет понять мужа с полуслова. Она знает, что задерживать Михаила Яковлевича дома бесполезно. Такая уж у него натура.

— Ступай, Миша, — улыбается Анна Степановна. — Тебя дома не удержишь: беспокойный ты у меня с молодости.

Михаил Яковлевич надевает свой походный черный овчинный полушибок, а поверх него — брезентовый плащ и выходит из дома. На улице крепчает уральский мороз. Старый мастер торопливо идет по улице родного поселка Полазна. Идет к своим друзьям по работе.
